

анализируемых в монографии, «привести» Россию к войне с Японией (в точном смысле этого слова) могла, пожалуй, лишь идеология Пржевальского, но именно ее влияние на события начала XX в. представляется в высшей степени сомнительным. Воззрения Куропаткина, напротив, носили подчеркнуто оборонительный характер, «восточничество» базировалось на представлениях о глубоком духовном родстве России и народов Востока, необходимости их мирного сосуществования, а Витте выступал за невоенное проникновение в Азию с использованием экономико-финансовых рычагов.

Не всегда убедительны и выводы самого автора. Представляется, что ему не во всех случаях удалось решить поставленную задачу – проследить взаимовлияние дипломатии и идеологии. Так, не вполне обоснованными кажутся попытки связать агрессивную составляющую российской внешней политики начала XX в. с воззрениями Пржевальского. Исследователь приводит примеры лишь двух прямых (в журнале «Гражданин») и одной косвенной (в мемуарах военного министра А.Ф. Редигера) ссылок на сочинения знаменитого путешественника, относящиеся к началу XX в. (с. 330). Все остальное, что рассматривается как «влияние Пржевальского», могло быть результатом совпадения или сходного образа мыслей, либо реакцией на конкретные военно-политические и дипломатические события. Риторика «агрессии» и «империализма», появление которой в высказываниях царя и его министров автор связывает с влиянием Пржевальского, была в изобилии представлена в российской и особенно в западной журналистике того времени. Резонно предположить, что именно оттуда, а

не из сочинений умершего за 20 лет до описываемых событий автора, позаимствовали ее те, кто вершил судьбы страны в начале XX в.

Возражения вызывает ряд конкретных формулировок автора. Трудно согласиться, в частности, с тем, что в образованном обществе России на рубеже XIX–XX вв. царил «аристократический, доиндустриальный этос», исключавший прочный успех политики таких деятелей, как Витте (с. 340). Вся история возвышения знаменитого сановника, его многолетнее управление Министерством финансов, длительное доверие к нему со стороны царя, успехи его программы индустриализации не позволяют согласиться с подобной характеристикой. И уж тем более нельзя признать «орхидею, высаженную в тайге», созданный при Витте колоссальный по объему производства индустриальный сектор российской экономики, выстроенное им на Дальнем Востоке целое «королевство» вокруг КВЖД и другие результаты его начинаний. Тем не менее, несмотря на указанные замечания, необходимо еще раз подчеркнуть, что монография Д. Схиммельпенника ван дер Ойе является крупным научным событием, значительным вкладом в изучение истории российской дипломатии и общественной мысли. Хочется надеяться, что положенный в ее основу междисциплинарный подход найдет отражение в работах отечественных историков, а поставленные в исследовании вопросы и затронутые в нем сюжеты станут основой для новых статей и монографий.

А.Ю. Полунов,
кандидат исторических наук
(Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова)

Е.Ф. Кринко, Т.П. Хлынина. История Северного Кавказа в 1920–1940-е гг.: современная российская историография. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. 304 с.

Существенной особенностью современной историографии является повышенное внимание к истории российских регионов. Это в полной мере относится к истории такого крупного и исключительно сложного региона страны как Северный Кавказ. В новейших исследованиях со всей остротой ставятся проблемы, которые в советской исторической науке или находились на втором плане, или вовсе обходились стороной. Назрело подведение историографических итогов, и выход в свет рецензируемой монографии можно только приветствовать. При этом в монографии подняты и актуальные теоретические вопросы о месте истории регионов в современном на-

учном историческом познании.

Анализ развития историографии позволил авторам сделать обоснованный вывод о том, что на протяжении постсоветского времени выделяются 2 качественно различающихся в методологическом отношении периода изучения темы. Один из них они называют «эпохой “наивного позитивизма”», когда историки стремились «к поиску “недостающих и все объясняющих фактов”». Авторы дают основание полагать, что путь от поиска фактов к концептуализации – нормальный исследовательский процесс. Методологический смысл его в том, что историк переходит от представления, что документ говорит сам за себя, к более

сложным, теоретически артикулированным подходам. Авторы показывают, как исследование конкретной проблематики по истории формирования национальных республик стимулировало развитие более общих концептов «горской цивилизации», «кавказского цивилизационного излома», «столкновения православной и мусульманской цивилизаций». Конечно, справедливо и указание на обусловленность интереса к истории повстанческого движения на Северном Кавказе 1920–1930-х гг. «своей созвучностью настоящему». В этой связи не случайно внимание авторов к терминологии. Анализ таких понятий, как «повстанчество», «политический бандитизм», «бело-зеленое движение», «крестьянские и кулацко-крестьянские восстания» дает представление не только о профессиональной историографии, но и о массовом историческом сознании. Вместе с тем и научная историография повстанческого движения полна мифологием и противоречий. Получается, что историческая наука не столько противодействует распространению в массовом сознании определенных мифов, сколько подпитывает их.

Особую важность представляет историографический анализ проблемы массовых репрессий на Северном Кавказе. Это не случайно, поскольку с данной проблемой связаны в значительной степени многие болезни российского общественно-исторического сознания, сохранение в нем культа И.В. Сталина (теперь уже в форме представления о нем как об «эффективном менеджере»), и вообще апологетическая мифологизация того периода в истории страны. Представляет значительный интерес авторский анализ метафоры «большой террор», примененный английским историком Р. Конквестом к сталинским репрессиям, а в этой связи – методологическая проблема «роли метафоры в историческом исследовании». По мнению авторов, метафора в историческом исследовании признана «элементом повествовательной стратегии передачи прошлого», хотя даже удачные метафоры могут представлять определенную опасность для исследователя в случае потери им представления о пределах их использования, поскольку «метафоры реифицируются и обретают самостоятельное существование, зачастую подчиняя ему реалии изучаемого прошлого». Однако с такой метафорой, как «большой террор» применительно к массовым репрессиям в СССР, или 1937 г. как «года большого террора» этого не произошло, и противоречий между ее смысловым наполнением и историческими реалиями не наблюдается. Авторами проведен анализ историографии одного из многих репрессивных дел этого периода – «Адыгейского дела», кото-

рый показывает необходимость комплексного исследования проблемы массовых репрессий в пределах всего Северо-Кавказского региона. Отдельные следственные дела из архивов региональных органов госбезопасности, например дело историка и публициста Н.Л. Янчевского 1937 г., свидетельствовали о стремлении карательных структур связать в единое целое дела в отношении лиц из разных центров региона с целью обоснования масштабов и серьезного характера выдуманного в кабинетах обвинительным конструциям.

Самое серьезное внимание уделено проблемам истории региона в период Великой Отечественной войны. По существу, в постсоветский период только началось исследование столь непростых проблем, как политика немецко-фашистских оккупантов на Северном Кавказе и так называемого «кавказского эксперимента» Третьего рейха, судьбы «восточных рабочих» из числа угнанных в Германию жителей региона, повседневная жизнь на оккупированной территории и в партизанских отрядах, а также двух наиболее острых проблем – коллаборационизма на Северном Кавказе и депортации ряда народов с ликвидацией или преобразованием национальных республик. Авторский анализ проблемы депортации в современной историографии свидетельствует не только о наличии принципиально различных взглядов на эту трагедию, но и о состоянии своеобразной «войны исторических памяти», порожденной отдаленными последствиями этого события. Уделяя особое внимание устным свидетельствам о Великой Отечественной войне, авторы справедливо подчеркивают их своеобразие и выражение в них основ ментальности народа, связь в них событий и явлений предвоенного и военного времени с фольклорными и мифологическими образами.

Первый по существу опыт комплексного анализа проблем региональной истории советского периода в современной российской историографии, проведенный Е.Ф. Кринко и Т.П. Хлыниной, следует признать удачным. Он позволяет составить представление не только о постсоветской историографии Северного Кавказа, но и об актуальных проблемах методологии истории и источниковедения. В этой связи есть основание считать, что монография будет востребована не только историками Северного Кавказа советского периода, но и всеми исследователями региональной истории и источниковедения истории российских регионов.

**Н.А. Мининков, доктор исторических наук
(Южный федеральный университет
(Ростов-на-Дону))**